

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ФОРМАНТЫ В МЕДИАСЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

И. И. Новосельцева

Белорусский государственный экономический университет

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: navaseltsava.i@gmail.com

Рассматриваются виды языковой игры с иноязычными словообразовательными формантами в «БелГазета-OnLine» в качестве средства актуализации смысла и выражения социальной оценки. Анализируются деривационные особенности создания окказионализмов на основе иноязычных аффиксов и их лингвокреативный потенциал. Активизация в медиадискурсе иноязычных компонентов обусловлена языковыми и социокультурными факторами.

Ключевые слова: медиадискурс; языковая игра; словообразование; иноязычные форманты; лингвокреативность.

Глобализация английского языка, интенсивное распространение в современном мире межкультурных и полилингвальных коммуника-

тивных практик, интернационализация лексики и способов словообразования находят специфическое отражение в медиадискурсе, одной из стилеобразующих черт которого является игра с иноязычностью. В разных аспектах лингвистики интерес к языковой игре как феномену языка и культуры не теряет актуальности. За последние десятилетия в научных работах И. В. Гуровой, В. Е. Замальдинова, Е. А. Земской, С. В. Ильясовой, Е. И. Коряковцевой, Л. П. Крысина, З. И. Минеевой, Л. В. Рацибурской, Е. В. Сенько, О. П. Сологуб и многих других ученых рассмотрены разнообразные приемы языковой игры с иноязычными компонентами, способы их интеграции в систему русского языка.

Исследователь функционального потенциала иноязычности в современном русском языке О. Ю. Руденко характеризует ее «как широкомасштабное и полифункциональное явление, взаимодействующее с феноменом языковой игры» [14, с. 6]. Наиболее ярко это взаимодействие представлено в медиадискурсе – «своеобразном проводнике языковых заимствований и лингвокреативной "мастерской", где апробируются и совершенствуются игровые приемы словотворчества» [10, с. 185]. В широком смысле под иноязычностью понимается вкрапление в русский текст разноуровневых элементов неисконного происхождения, прежде всего, лексики. Однако в русском языке иноязычность представлена и другими структурными единицами. В современном словообразовании, особенно в медийном речетворчестве, отмечается продуктивность оценочных значений, связанных с активизацией (под влиянием разных лингвистических и экстралингвистических факторов) как ранее заимствованных, так и новых иноязычных формантов. Тенденция к наименованиям-компрессатам «приводит к появлению большого количества новообразований, которые становятся ярким экспрессивно-эмоциональным средством в текстах СМИ», а основные эмоциональные доминанты в них «определяются объективными социально-политическими и экономическими процессами в обществе» [13, с. 32].

Материалом для анализа послужили словообразовательные окказионализмы в независимом информационно-аналитическом еженедельнике «БелГазета-OnLine», созданные за двадцатилетний период на основе адаптированных иноязычных формантов. Под окказионализмами понимаются «новые слова с ингерентной (внутренне присущей) и адгерентной (проявляющейся в контексте) экспрессивностью, порожденные в речи и не зафиксированные в лексикографических источниках, созданные по образцу словообразовательных типов или с несистемными отклонениями от условий словообразовательного типа» [4, с. 87]. Формантом считаем «иноязычную морфему, приобрета-

шую признаки регулярности, повторяемости при создании новообразований» по типичной для современного русского языка схеме [14, с. 15]. Игра с иноязычностью – популярный в «БелГазета-OnLine» способ презентации авторского мировосприятия и оценок. Своеобразный речевой маркер коммуникативной стратегии издания – креативный заголовок, который фокусирует внимание читателя и вовлекает в активный виртуальный диалог через призму языковой игры.

С точки зрения лингвокультурологического подхода «одной из тенденций инновационного словообразования на базе иноязычных компонентов является активное присоединение иноязычных аффиксов и аффиксоидов к русской по происхождению основе, которая выступает как выразитель культурных кодов», что вскрывает «сами механизмы культурной апроприации "чужого" и аккумуляции "своего" системой развитого литературного языка» [12, с. 36], усиливая экспрессивность. Например, в результате выражения авторского отношения к субъекту или объекту номинации характерный для специальной терминологии префиксоид *нано-* ‘имеющий микроскопический размер’, ‘высокотехнологичный’ и нейтральный *евро-* ‘европейский’ (в нормативном написании и через дефис) в сочетании с русской разностилевой лексикой приобретают негативную окраску (от иронии до уничижения): «*Плуги и нанотяпки*» (№16, 2012), «*Еврокликуши выпали в осадок*» (№9, 2012), «*Евроизнанка*» (№27, 2012), «*Европесня про мандаты*» (№2, 2018). Семантика большинства окказионализмов раскрывается в контексте. Так, в заголовке «*День евро-ВДВ*» (№21, 2012) использована аллюзия: выступление на «Евровидении» в бьющем на сцене фонтане ирландских братьев-близнецов сравнивается с особенностями празднования в постсоветских странах Дня ВДВ, когда «все отрывисто выкрикивают гласные, поют и кричат, все странно одеты либо раздеты совсем, лезут в фонтан и танцуют». Статья «*Еврожданьки*» (№48, 2013) – о конфликте продавцов на рынке в Ждановичах (разг. «Жданы») с налоговой инспекцией из-за проверки наличия сертификатов на продаваемый «европейский» товар. Заголовком «*Еврооппаньки*» (№22, 2018), где префиксоид *евро-* ‘лучший, по европейским стандартам’ совмещен с жаргонным междометием, обыгрывается ситуация: Совет при МАРТ ограничил расширение сети крупнейшего в Беларуси ритейлера «Евроопт» в связи с жалобами конкурентов по торговле.

Особая экспрессия характерна семантике неолексем, созданным с использованием нескольких иноязычных компонентов, графогибридизации и отсылки к прецедентам: «*Еврогеддон*» (№21, 2012), где *геддон* от др.-греч. ‘улей’ – метафора ЕС + отсылка к Армагеддону из

«Апокалипсиса», месту последней битвы сил добра с силами зла: статья о последствиях возможного выхода из еврозоны Греции. Подзаголовок *«Евроспам: борьба на госуровне»* («Европотребитель», №1, 2007) связан с призывом Еврокомиссии к странам ЕС усилить борьбу со спамом и другими видами вредоносных программ. Прописное выделение латиницей в заголовке *«ЕвроNONсенс»* (№22, 2005) элемента в давно освоенном и нечленимом в русском языке слове *нонсенс* акцентирует смысловую идею контаминации: анализируется ситуация, которую политологи назвали «политическим землетрясением» в Европе, так как на референдумах по интеграции граждане Нидерландов и Франции сказали *«нет»* европейской Конституции. Заголовок *«ЕвроНЕNAVIвидение»* (№18, 2017), созданный «вкраплением» в слово *Евровидение* частицы *не* и названия белорусского дуэта *«NAVI»*, который представлял Беларусь на конкурсе в 2017 году, прочитывается и как *не «NAVI» стал победителем конкурса*, и как окказионализм *евро-ненавидение*.

Продуктивностью в процессе словотворчества отличаются закрепившиеся в русском языке форманты с показателями чрезмерности, отрицания, фиктивности, неприязни, что объясняется вниманием авторов «к крайним точкам» шкалы ценностей, которое связано «с кризисным состоянием в сознании общества, концептуализацией и осуждением одних общественных, социально-политических явлений и утверждением новых» [13, с. 60].

Специфика оформления окказионализмов с оценочными формантами *анти-* ‘противоположный, противопоставленный тому, что названо мотивирующим словом’ и *квази-* ‘ненастоящий, неправдивый, фиктивный’ – в нестандартном написании на стыке морфем (используется дефисация): «... придумали и *анти-восток* – модный образ, в котором исключены восточная сдержанность и немногословность» («Покажи мне свое рождество», №49, 2005), «Приятно, что такой "мэйджор-лейбл", как *West*, взялся за откровенно некоммерческий и *анти-поп-музыкальный продукт*» («CD-обзор. Личный вкус», №25, 2006). В микроконтексте окказионализмы с префиксоидом *анти-* «меняют знак исходного слова на полярный, приобретают негативно-оценочную окраску», оставляя «в сознании адресата четкий отрицательный образ, сформированный автором» [2, с. 48]: «... дадим краткий перечень структур и явлений, составляющих сегодня костяк совершенно *анти-сильного* и *анти-процветающего Вильнюса*» («Путеводитель по значным местам», №37, 2009), «... совершенно *анти-европейский*, если мы посмотрим на ситуацию с этого, пусть даже чересчур леволиберального ракурса» («Чужой среди ничьих»,

№6, 2018). Особенностью игры с префиксоидом *анти-* является его сочетание с антропонимами: «... уловив модную литературную тему *анти-Робски*» («Книги. Личный вкус», №23, 2006), «*АНТИ-Наумов. Довольно странное решение принято в самом начале правления нового председателя федерации хоккея*» («Занковец в диапазоне», №17, 2010), «... начал лепить из себя такого *анти-Горбачёва*» («Начал лепить из себя такого анти-», №26, 2012). Лишь в одном примере отмечена положительная коннотация *анти-*: «*АнтиVolvo*» (№12, 2007; о стильном Volvo C30 1.8 Kinetic, по сравнению с другими моделями, прозванными в народе «чемоданами»).

С префиксоидом *квази-* преобладают не адъективные, а субстантивные окказионализмы, негативно характеризующие состояние объектов, субъектов и явлений, а мотивирующей в основном выступает лексика социально-экономической и общественно-политической сферы: «*Действует квази-многopартийная система, т. е. есть коммунистическая партия и несколько демократических партий*» («Ху подскажет», №3, 2012), «*Нужно создать условия, при которых не будет квази-законов, квази-трактовок*» («Льготникам сделали хорошо», №18, 2012), «*Это будет лишь квази-расследование: сторона защиты не обладает ресурсами как у следствия*» («Спасение утопающих», №39, 2012), «*Строительство ведется за счет реальных инвестиций, а не за квази-деньги*» («Пошел крупняк», №48, 2012), «*Немного поплутав, квази-иностранцы оказались у прилавка*» («Взялись за ЦУМ», №43, 2013), «*Отдельная категория дачной недвижимости – "квази-коттедж"*» («Загородная недвижимость: итоги сезона», №35, 2016). Оценочность в примерах с *анти-* и *квази-* «направлена на дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов» в обществе [12, с. 36].

Размерно-оценочные префиксоиды *супер-* ‘главенство’, ‘высшая степень чего-либо’, *мега-* ‘высокая степень качества’ и *ультра-* ‘сверх какой-н. меры, предела’ используются для выражения иронии («*Список наших супер-Лего-героев будет оставаться неизменным*» («Навстречу приключениям с супергероями Лего!», №7, 2014), «*Мега-глобализм года – афрошансон группы "Рэха"*» («Моды-2005», №51, 2005)) или яркого пейоративного значения, которое усиливается совмещением префиксоидов или их «закавычиванием» с целью установки «на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий» [12, с. 36]: «... создания в Беларуси *супер-ведомства, контролирующего основные информационные объекты*» («Попытка Заметалина», №31, 2000), «*Концертные эскизы будущего супер-мега-шоу обещали стать подтверждением эффек-*

тивности нашего национального самосознания» («Му-му-мюзикл», №49, 2004), «Беларусь России и нужна была не в качестве **агро-клондайка** с "мега-эффективным" сельским хозяйством, а как военная площадка» («Вундерваффе и пепел большой любви», №20, 2020), «Любая рекламная кампания исполнителя под девизом "ультра-мега-что-то года" априори раздражает» («Наш марафон», №21, 2004).

Семантическую насыщенность и ироничную модальность приобретают окказионализмы с префиксоидом **агро-** (от греч. 'поле', в соединении с другими словами – 'сельскохозяйственный'). Кроме отмеченной выше метафоры **агро-клондайк** (№20, 2020), внимания заслуживают примеры с ярко выраженной игровой оценкой: «**Агрорадость без повода**» (№5, 2010), «**Депутаты спросили, чего же не хватает белорусскому селу, чтобы настала диктатура агро-high-tech, вице-премьер ответил афористично**» («А остальное всё есть», №46, 2014), «**Агрорестлинг без границ**» (№31, 2017), «**Агробарбершоп для дрово-секов**» (№37, 2017), «... впечатлили парады, прошедшие в стране и ставшие кладезем аутентичного **агро-креатива**» («Кустурицы на нас нет», №24, 2018), «**Она-она, агротайл!**» (№21, 2019), «**Самое популярное праздничное фото в жанре "агротрэш" – из Лиды**» («Парадный агротрэш», №25, 2019). Разнообразное по стилю, семантике и происхождению лексическое окружение инноваций с префиксоидом **агро-**, его сочетание с междометием, со специальной лексикой в иноязычном написании (**агро-** + **high-tech** 'высокие технологии') или с жаргонизмами (**агро-** + **трэш** от англ. 'мусор'; в значении 'дурной вкус; что-либо вызывающее удивление и отвращение'; **агро-** + ирон. разг. **стайл** от англ. **style** 'стиль') усиливают эмоционально-экспрессивный, часто ернический, фон контекста, комичность и алогизм описанных ситуаций. Исследователь инноваций в языке СМИ С. В. Ильясова отмечает, что «несомненное преобладание индивидуального начала, находящего выражение в броскости, эпатажности, в переходе словотворчества в словоерничество, <...> подчеркнутое стремление к выполнению оценочной функции» характеризует «словотворчество в языке СМИ как политическое словотворчество» [3, с. 27].

Стремительное развитие в мире цифровых технологий актуализировало и вывело на первый план образование новых слов с префиксоидами греческой этимологии **кибер-** 'автоматическая система управления; искусственный интеллект; связанный с Интернетом' и **крипто-** 'относящийся к тайному, скрытому действию или состоянию', 'криптовалюта (электронные деньги)'. Данные префиксоиды используются для выражения ироничного и метафоричного обыгрывания виртуаль-

ных реалий, обусловленного семантикой мотивирующих слов и контекстом: «... зачислить в разряд дорогостоящих причуд сентиментальную **кибер-сказочку "Искусственный разум"**» («Видеодром», №5, 2003), «**И третий секрет этого ящичка кибер-Пандоры** заключается в том, что с появлением интернета впервые в истории заговорили те, кто всегда молчал» («Через тернии к ...», 07.03.2015), «... пара **крипто-бизнесменов – отец и сын**» («Таинственные Хотины», №16, 2019), «**Длившаяся дольше года "криптозима"** закончилась, и курсы криптовалют вновь пошли в рост» («Новые бурные времена», №25, 2019). Игровой подзаголовок «**Петрокрипто и криптоПетро**» («Планета непуганых криптовалютчиков», №1, 2018) – аллюзия на идею президента Венесуэлы Николаса Мадуро эмиссии обеспеченной нефтью криптовалюты El Petro (PetroCoin). Исследуя новые явления в сфере деривационных формантов, Л. В. Рацибурская констатирует, что характерные для терминов префиксоиды *крипто-* и *кибер-* в языке медиа реализуют новые прагматико-стилистические функции и участвуют в создании экспрессивных дериватов, что подобные сложные структурно-семантические новообразования позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания, лингвокреативный потенциал языковой личности [9, с. 7-8].

Активизация префиксоида *авто-* отражает в окказионализмах реалии, связанные с массовой автомобилизацией населения, а производящая основа – их метафоричную видовую характеристику: «**Чёрный авточетверг**» (№46, 2008), «**Автосуррогат**» (№43, 2009), «**Автострадания**» (№21, 2010), «**Автоутопия**» (№2, 2012), «**Автосерость в цвету**» (№10, 2012), «**Белорусские автопремьеры**» (№19, 2012), «**Автоказино**» (№23, 2012), «**Авто-ТОП**» (№50, 2013).

В процесс словотворчества включено и главное для СМИ понятие – *медиа-* ‘имеющий отношение к средствам массовой информации (коммуникации); стилистический синоним *масс-медиа*’. Новообразования с префиксоидом *медиа-* приобретают иронично-саркастический тон: «**Медиа-конструкторы**» (№37, 2000; об «информационной игре», связанной с проектом объединения в медиа-холдинг белорусских республиканских газет и FM-радиостанции), «... эффектную социокритическую речь в стиле украинского **медиа-гуру** Анатолия Ульянова» («Манифест Семёна», №14, 2013), «**Для кремлевской медиа-обслуги** далекая Сирия ближе, чем собственный народ» («Если завтра война», №14, 2018), «**Лишь перед встречей медиа-бездна** извергла из себя более взвешенное мнение эксперта Фонда Карнеги» («Благодать небесная», №27, 2019).

Для отрицательной характеристики социокультурных явлений активно используются разнообразные по семантике, превращенные в суффиксоиды, слова греческого происхождения **-мания**, **-фобия** (**-фоб**), **-френия**, **-филия** (**-фил**): «**Русланомания**» (№34, 2004; о выступлении победительницы «Евровидения» Русланы на Дне независимости Украины), «**FM-спискофобия**» (№13, 2011; о «черном списке» на выступления белорусских рок-групп), «**Ксенияфобия**» (№21, 2015; о проверке ГСУ СК России Ксении Собчак, обвиненной в оскорблении чувств верующих), «**Педофобы ждут звонка**» (№32, 2017; педагог + фобия: «Это не педагоги, а педофобы: им всегда страшно,.. они боятся всего нового, включая современные гаджеты и технологии»), «**Мифофрения**» (№50, 2016; о понимании обществом, в зависимости от уровня социально-культурного развития, исторической мифологии), «**Трубофилия**» (№14, 2013; об идее строительства газопровода «Ямал-Европа-2» через Беларусь), «**Базарофилия**» (№26, 2014; о «Славянском базаре в Витебске»), «**Чудоки-чудофилы**» (№50, 2016; о надежде чиновников на рост экономики благодаря фискальным стимулам). В примерах используется способ заменительного словообразования: часть узуального слова заменяется авторским. В сочетании с суффиксоидами такие «ассистемные экспрессивные окказионализмы», указывая на гипертрофию социальных предпочтений, антипатий и страхов, «на умственную и психическую неполноценность чрезмерно активных сторонников или противников» каких-либо явлений или известных людей [6, с. 19], участвуют в тактике иллюстрирования отрицательного, а их продуктивность в некоторой степени характеризует «психологические проблемы современного социума» [2, с. 69].

Окказионализмы, созданные при помощи формантов, имеющих широкие синтагматические возможности для обозначения абстрактных явлений (**-изация** ‘наделение теми или иными признаками или свойствами того, что обозначает базовая основа’ и **-фикация** ‘широкое внедрение того, что обозначено именной частью производящей основы’), отличаются, за счет использования иноязычных элементов, аббревиатур и прецедентов, игровой содержательностью и специфической коннотацией при характеристике современных процессов в обществе: «**Евроизация & демократизация**» (№28, 2007), «**ВВП-изация мозга на \$ 16 млрд**» (№32, 2015; отсылка к жаргонизму *вынос мозга*), «**И IT-фикация всей страны**» (27.09.2016; о развитии в стране IT-сферы с отсылкой к прецедентному высказыванию Ленина «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны»). Особенность таких отвлеченных новообразований состоит в том, что

производятся они от именных, а не глагольных основ, совмещая значение процессуальности и номинативности, а граница прикрепления суффиксов к производящей основе часто маркируется дефисом.

Суффикс *-изм* употребляется в словах, характеризующих общественно-политические понятия, научные направления и социальные явления. В медиадискурсе он актуализирует проявление отрицательных эмоций и негативных оценок, связанных с конкретными ситуациями. Например, в заголовке «*Полный "мобилизм"*» (№39, 2003) значение окказионализма *мобилизм* проясняется лишь в контексте: в статье речь идет о заседании Совмина по вопросу национализации (восстановления доли государства) двух успешных в стране компаний – операторов *мобильной связи*. Кроме того, в сочетании окказионализма со словом *полный* усматривается аналогия с обценным выражением. В заголовке «*Обыкновенный тель-авизм...*» (№22, 2010) жестко обыгрывается название столицы Израиля (с отсылкой к выражению «*обыкновенный фашизм*», ставшим общеизвестным после выхода под таким названием документального фильма Михаила Ромма) в связи с прецедентной ситуацией: израильский спецназ с нарушением международного морского права атаковал в нейтральных водах несколько судов «Флотилии мира», что привело к жертвам, но Израиль не принес извинения пострадавшей стороне, а многие израильтяне в ЖЖ выступили в поддержку своих военных, оправдывая их действия патриотизмом, национальными интересами страны. Окказионализм образован усечением части исходного слова и контекстуальным приращением к нему через суффикс *-изм* смыслов нескольких понятий: *Тель-Авив + патриотизм / сионизм / нацизм / антигуманизм*: «... как тонкая грань, отделяющая *патриотизм* разумный от маниакального патриотизма с приставкой "ура"! Евреи страшно обижаются, когда кто-то сравнивает *сионизм* с *нацизмом*. Но "необязательно быть немцем, чтобы стать нацистом", – сказал депутат кнессета Талейб А-Сана, комментируя события 31 мая. Там, где попирается право человека на жизнь, все "*измы*" становятся на одну чашу весов, сливаются в один страшный "*изм*": *антигуманизм*».

В языке СМИ особой популярностью при создании новообразований с ярко выраженной социальной оценочностью пользуется формант *-гейт* (вычленен из английского прецедента Watergate ‘водяные ворота’ – названия вашингтонского отеля, связанного с политическим скандалом). Окказионализмы с суффиксоидом *-гейт* ‘политический скандал’ и ‘скандал’, атрибутивно-видовая характеристика которого представлена первым компонентом, образуются «по метонимической когнитивной модели наименования события (по участнику или объек-

ту скандала, географической локализации события или роду деятельности его участников) и являются репрезентантами фрагмента языковой картины мира, создаваемой средствами массовой информации» [1, с. 17]. При этом авторская коммуникативно-когнитивная установка связана с тем, что использованные гейт-производные «должны представлять собой хранящееся в сознании адресата "свёрнутое сообщение" о прецедентной ("эталонной", "идеальной", включающей набор коннотаций и оценку) ситуации» [1, с. 19] и будут декодированы читателем: «*Еврофестгейт*» (№8, 2012; о скандале, связанном с «победой» Алены Ланской на «Еврофесте», в результате чего была создана специальная президентская комиссия по проверке и изменению результатов голосования на конкурсе), «*Луценкогейт*» (№9, 2012; о вынесении обвинительного приговора бывшему министру внутренних дел Украины Юрию Луценко), «*Спирингейт*» (№39, 2012; о заявлении Павла Спирина, экс-кандидата в депутаты ПП НС, мастера минского ЖЭСа №48, в прокуратуру столицы с требованием уточнить легитимность выдвижения кандидатом в депутаты от минских ЖЭСов председателя Мингорсовета М. Савановича), «*Кафегейт с прибором*» (№40, 2015; об обнаружении в кафе лидером ОГП А. Лебедько подслушивающего устройства в салфетнице), «*Несколько недель Беларусь сотрясает мощный Минздрав-гейт*» («Здравопохоронение», №25, 2018; об аресте высоких чиновников Минздрава по коррупционному делу), «*Орша-гейт*» (№30, 2018; о критике правительства во время поездки президента в Оршу). В. Е. Замальдинов отмечает, что суффиксоид *-гейт* «содержит в своем составе пейоративную оценку, оказывающую мощное воздействие на адресата», поэтому журналисты, используя эту продуктивную морфему в сочетании с онимными основами, часто «реализуют стратегию дискредитации и тактику иллюстрирования отрицательного» [2, с. 86].

Для русскоязычной «БелГазеты» (на белорусском языке иногда пишут два-три колумниста) характерно разнокодовое переключение, целенаправленное обращение к белорусским элементам как маркерам фоновых знаний. Появление окказионализма *гарбата-гейт* («Атакоўвалі, як якую звярыну, за тое, што я – беларус», №7, 2020) связано с резонансным инцидентом: в одном из столичных кафе на прозвучавший по-белорусски заказ *гарбаты* (чая) официантка «предложила» разговаривать с ней «по-нормальному». Слово *гарбата-гейт* стало прецедентным и обозначает 'социокультурный скандал', ситуации, связанные с ущемлением прав говорящих на белорусском языке, с проблемами его функционирования в городском пространстве, кор-

ректного отношения к государственному, титульному языку нации и коммуницирующим на нем.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1) Наибольшая активность процесса «лавинообразного словотворчества» (термин С. В. Ильясовой) с использованием иноязычных структурных компонентов приходится в «БелГазета-OnLine» на второе десятилетие XXI века, что связано с динамикой политических, экономических и межкультурных процессов в мире и стране, с трансформацией стилистических стандартов и «англоизацией» лексики русского языка, проникновением в его структуру и морфемизацией новых англоязычных и активизацией ранее заимствованных греко-латинских элементов.

2) В роли производящих основ и слов выступают собственные и нарицательные существительные. Среди созданных на основе иноязычных префиксоидов окказионализмов преобладают агентивные производные с семантикой интенсивности, отрицания, несоответствия, противопоставления, игровой гипертрофированности, что объясняется значимостью «расширяющейся сферы доминирования деривации неагентивов в активных процессах в русском словообразовании», прагматический потенциал которых характеризуется совмещением функций, актуализацией «моделирующей и аксиологической функций в речевой практике современного общества, отражающей важные строевые элементы языковой картины мира» [8, с. 10].

3) Актуализированные интернациональные форманты не только отражают подвижность деривационных процессов в современном русском языке, тенденцию к экономии языковых средств, но и выступают маркерами социально значимых в современном мире смыслов и событий, социальная оценочность которых обусловлена установкой автора на критический анализ действительности через интеллектуализацию дискурса, креативное приращение имплицитного смысла. Экспрессивность окказионализмов, образованных по узуальным моделям, зависит от происхождения и семантико-стилистических характеристик мотивирующих слов и основ, наличия в словообразовательных формантах оценочности или приобретения ее за счет лексического окружения и контекстуальных коннотаций. Окказионализмы нестандартных типов, созданные в процессе языковой игры, всегда эмоционально-экспрессивны.

4) Появление в медиадискурсе экспрессивно-оценочных окказиональных моделей активизируется ростом общеотрицательных эмоций в социуме, «поскольку на лексико-номинативную деятельность носителей языка оказывают непосредственное влияние культурно-

исторические и социально-политические условия жизнедеятельности языкового сообщества» [7, с. 130]. Эмоциональные маркеры в «БелГазета-OnLine» связаны с конкретными раздражителями – политическими, экономическими и культурными событиями в социуме. Включение в контекст лексем с гипертрофированной пейоративной коннотацией используется для демонстрации «негативного эмоционально-оценочного отношения к денотату, обозначенному окказиональным словом» [4, с. 94]. Чаще всего именно при помощи иронии «ведется скрытая полемика, в основном с обобщенным субъектом или с всеобщим мнением о жизни общества» [5, с. 32]. Ироническая модальность медиатекста усложняется фоновой информацией с отсылкой к прецедентным феноменам.

5) Словотворческий процесс направлен в издании на интеллектуально-оценочное общение с адресатом: окказионализмы, «вызывая в сознании читателя новые зрительно-смысловые ассоциации, вовлекают его в процесс декодирования подтекста и формирования суждения о проинтерпретированных в медиадискурсе реалиях» [11, с. 107]. Когнитивно-прагматический эффект новообразований, большинство из которых приходится на заголовки, зависит от избранных и реализованных автором коммуникативных стратегий и тактик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гурова, И. В. Гейт-производные в русском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Гурова ; ФГБОУ ВО «Самарский гос. соц.-педаг. ун-т». – Уфа, 2018. – 25 с.
2. Замальдинов, В. Е. Словообразовательные неологизмы как средство речевого воздействия (на материале Нижегородских СМИ начала XXI века) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. Е. Замальдинов ; ФГАОУ ВО «Нац. иссл. Нижег. гос. ун-т». – Н. Новгород, 2019. – 224 с.
3. Ильясова, С. В. Крымец Украине, или Политическое словотворчество / С. В. Ильясова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УГПУ, 2016. – № 3 (57). – С. 27–30.
4. Кирдун, А. А., Андреева, А. В. Словообразовательные окказионализмы с негативной оценочной экспрессией в политическом дискурсе Республики Беларусь / А. А. Кирдун, А. В. Андреева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : УГПУ, 2017. – 6 (66). – С. 86–95.
5. Кормилицына, М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Вып. 8. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – С. 13–34.
6. Коряковцева, Е. И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков / Е. И. Коряковцева // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. – Sedlce : Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2013. – S. 9–38.

7. Коряковцева, Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты) / Е. И. Коряковцева. – Siedlce : Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. – 152 s.
8. Минеева, З. И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960-2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.01 / З. И. Минеева ; ФГБОУ ВПО «Петрозав. гос. ун-т». – Н. Новгород, 2017. – 43 с.
9. Николина, Н. А., Рацибурская, Л. В., Фатхутдинова, В. Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова // Вестник Волгог. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 5–19.
10. Новосельцева, И. И. Иноязычные элементы в заголовках еженедельника «БелГазета-Online» / И. И. Новосельцева // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сборник трудов международной научно-практической конференции. – Белгород, 2020. – С. 185–191.
11. Новосельцева, И. И. Графическая игра в заголовках еженедельника «БелГазета» / И. И. Новосельцева // Язык в различных сферах коммуникации : материалы III Международной научной конференции. – Чита, 2019. – С. 104–107.
12. Радбиль, Т. Б., Рацибурская, Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова, РОПРЯЛ. – 2017. – № 2. – С. 33–39.
13. Рацибурская, Л. В. Специфика современного медийного словотворчества : учеб. пособие / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 136 с.
14. Руденко, О. Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке (на материале словарей и языка СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Ю. Руденко ; ФГАОУ ВПО «Южный федеральный ун-т». – Ростов-на-Дону, 2012. – 25 с.

FOREIGN LANGUAGE DERIVATE FORMANTS IN MEDIA WORD CREATION

I.I. Novoseltseva

Belarusian State Economic University

Minsk, Republic of Belarus

E-mail: navaseltsava.i@gmail.com

This paper reviews the types of language game with foreign derivation formants in the «BelGazeta-OnLine» as a means of meaning actualization and social assessment expression. Derivational peculiarities of creation and linguistic creative potential of word-building occasionalisms based on the foreign affixes are analyzed. The activation of foreign derivate components in the media discourse is conditioned by language and sociocultural factors.

Keywords: media discourse; language game; derivation; foreign formants; linguistic creative.